

ФЕДОР.
СКАЗКА
О ЖИЗНИ

записано Вальтером

Петер Зенгер
Федор. Сказка о жизни

«Алетейя»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зенгер П.

Федор. Сказка о жизни / П. Зенгер — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-74-5

Если они смертны, так почему живут как бессмертные? Почему отвлекаются от жизни? Почему тратят так много времени на никчемное? Почему калечат короткую жизнь невниманием и злом? Чем определяют смысл присутствия здесь? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно попытаться взглянуть на Жизнь со стороны. С чувством, которое теплится в каждом из нас.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906910-74-5

© Зенгер П., 2017
© Алетейя, 2017

Петер Зенгер

Федор. Сказка о Жизни.

Записано Вальтером

© П. Зенгер, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

Родителям посвящается

Вероятность того, что этот приветливый февральский день станет для Федора очередным лучшим днем его жизни, была велика: Василий, лежа на боку и вытянувшись во всю длину, отдыхал на деревянном подоконнике в комнате Марии. Подставив белое мохнатое брюхо солнечным лучам, он не проявлял никакого желания покинуть это место, без сомнения сказочно уютное.

Сам Федор жил в небольшом доме напротив, стоявшем посреди двора и окруженном пятиэтажными зданиями. Его маленькая квартира находилась прямо под козырьком крыши, рядом с отверстием в стене, из которого днем и ночью струился теплый воздух. Он был счастлив, что смог обосноваться здесь сразу после того, как мать намекнула ему на обустройство личной жизни.

Это было позапрошлым летом. И хотя Федор многому у матери научился, он все же имел очень смутное представление о личной жизни. Из сказанного родительницей где-то, но очень увесисто, отложились три правила, настойчиво пытающиеся определить личную жизнь:

Правило 1-е: При добыче пищи и при выборе матери твоих детей правил нет!

Правило 2-е: Избегай случаев стать предметом выбора пищи!

Правило 3-е: Ладь со всеми, и умный уступает первым!

Он пытался придерживаться этих правил. Но 1-го пока только наполовину. А 3-е в голове не укладывалось с двумя предыдущими.

Мать своих будущих детей Федор еще не встретил. А если, особенно в определенное время года, в поле зрения и появлялись возможные претендентки на эту роль, то среди них он пока не увидел ту единственную, о которой мечтал. Ту, чей образ привел бы сердце в неутихающий, радостный и одурманивающий трепет.

Именно таким должно было быть, по его мнению, то чувство, которое стало бы главным в личной жизни, если верить фотографиям и афишам кинотеатра на соседней улице. Правда, в жизни примеров тому не встречал, а может быть, просто не замечал.

Обустроить личную жизнь мешал к тому же внутренний голос, непонятно откуда взявшийся и регулярно рассуждающий о том, что жизнь не может состоять только из добычи пищи, размножения и избегания опасных для нее ситуаций. Этот голос иногда вырывался наружу и заставлял окружающих смотреть то снисходительно, то с сочувствием, интересом, осторожностью, а то и, что очень редко случалось, с завистью.

Иными словами, Федор слыл среди соседей и знакомых философом, чудаком или просто дураком. При этом 3-е правило, которого он придерживался всегда, давало другим возможность видеть в нем безобидного и безопасного члена общества, что опять же оберегало его от неприятных столкновений с инакомыслящими.

Федор довольствовался тем немногим, что было необходимо для существования. И ждал, ожидая большего от жизни.

* * *

Мам, я сегодня почитаю! – Саша, поужинав после работы, скрылся в своей комнате. Следующие обычно за этим причитания матери о том, что ему, здоровому дылде, сам бог велел одеться поопрятней и выйти из дома, чтобы наконец-то познакомиться с какой-нибудь симпатичной девушкой, умеющей варить, стирать и гладить, казались ему через прикрытую дверь ласковым рокотом утихающей грозы.

«Интересно, что сейчас делает Рита?» – он захлопнул книгу. Если в голове на одно мгновение мелькала Рита, то чтение было уже невозможно. Эти четыре буквы вызывали чувство неопределяемого характера.

На работе, в институте, он бы сказал, что имеет дело с мощнейшим катализатором химического процесса. Именно такой процесс, вне всякого сомнения, стартовал в нем без какого-либо малейшего предупреждения всегда, когда он начинал думать о Рите. Совладать с ним Саше и подавно не удавалось, если ему приходилось видеть ее. Что довольно-таки часто случалось потому, что жили они в одном доме, хотя и в разных подъездах.

Встречаясь с ней утром во дворе, по пути к автобусной остановке, он отвечал на ее приветствие каким-то странным, выдавленным из сразу же пересохшего горла, наверняка не очень вежливо звучащим звуком. На что Рита обычно улыбалась бездонными зелеными глазами и продолжала путь, оставляя его наедине со знакомым чувством: руки становились холодными. В любую погоду на лбу выступали крохотные капельки пота. И очень хотелось вернуться домой, лечь и немного отдохнуть.

В этих случайных встречах, приводивших его в своего рода предсмертное состояние, было все же что-то бесконечно теплое. Ее огненно-красные волосы, не поддающиеся укромещению и обрамляющие нежное белоснежное лицо, казалось, освещали, как колыхающийся на ветру факел, лица людей и потрепанный временем двор.

В этот свет попадала и мать Саши. Вопреки своим взглядам она прощала Рите некоторую потертость платья, и, увидев девушку в окно, начинала улыбаться и нежно, с непонятым сожалением произносила: «Наш огонек!».

* * *

С высоты своего жилища Федор с неустанным интересом наблюдал за живущими по соседству существами. Особенное любопытство у него вызывали птицы, разучившиеся летать.

Они почти полностью потеряли оперение, жили в угловатых гнездах и размножались, независимо от времени года и достатка или недостатка в пище. Вместо перьев эти птицы носили на теле какие-то сероватые или синеватые покрытия. Ноги они прятали в темные чехлы, оставляющие на снегу замысловатые рисунки. Только при хорошей погоде одеяния становились красочней. Особенно у тех из них, которые представляли собой более изящную, как считал Федор, половину этой огромной стаи, заселившей буквально все, что можно было, хотя бы отдаленно, назвать жилищем.

За исключением немногих дней, эти птицы покидали рано утром дома, собирались в определенных местах, ждали, смур-но поглядывая в одном направлении, забирались добровольно в дребезжащие и пугающие запахом коробки, которые уносили их туда, где они снова заходили в дома, чтобы, после бесконечно долгого пребывания в них, выйти оттуда уставшими

с опущенными крыльями и залезть в коробки, ползущие к месту утреннего сборища. По пути к гнезду некоторым из них удавалось прихватить съедобное в местах, предназначенных для выдачи пищи.

Федору казалось странным, что такие крупные, сильные существа не охотятся и ничего не собирают, а поедают то, что появляется невесть откуда. Им вообще каким-то образом удалось освободиться от необходимости жить по правилам, кажущимся Федору такими естественными.

* * *

Ловко спрыгнув с подножки еще не совсем остановившегося маршрутного автобуса № 5 и избежав таким образом встречного стремления промерзших ожидающих к теплу, Рита быстрым шагом прошла в подворотню старого серого здания. Тут, на втором этаже, располагалась фирма, на которой она работала почти полгода. Холод подгонял, пробираясь сквозь не по сезону легкую одежду и обувь к самым уязвимым местам гибкого молодого тела.

В такую погоду она всегда старалась как можно быстрее оказаться у тяжелой деревянной двери главного входа, которая, словно сжалившись над ней, сама открывалась, без промедления впуская ее в тепло просторного вестибюля. Семен Андреевич, старый охранник, предпочитавший, по причине давнишней бессонницы, работать в ночную смену, видел на экране монитора, как девушка выскакивала из автобуса, и спешил навстречу.

– Доброе утро, дядя Семен! Как ночь? – Рита, вся раскрасневшаяся, улыбалась старику, на ходу расстегивая пальто, чтобы побыстрее позволить теплу окутать ее в свое покрывало.

В ответ слышалось знакомое:

– Доброе! Ой девчонки, девчонки! Ну кто же в такую погоду вот так на улицу выходит? – Этому следовало недоуменное покачивание седой головы.

– Дядь Семен, мода требует выдержки! – был сегодняшней ответ Риты, начавшей подъем по лестнице, оставляя Семена Андреевича наедине с мыслями о тех хороших старых временах на пути в небольшой, остекленный с двух сторон кабинет, ласково называемый всеми скворечником: из круглого окошка, прорезанного в одном из стекол, иногда высовывалась голова стража порядка и призывала к таковому.

Рита старалась приходить на работу пораньше, примерно за час до появления коллег. Одной причиной была возможность приготовить на кухне вкусный кофе и изъять из запаса секретарши шефа две печенюшки, состоявшие из кекса и шоколада с оттиском логотипа фирмы. Две печенюшки в день можно было рассматривать как неофициальную надбавку к зарплате, давно заслуженную, но, вероятно, еще долго ожидаемую.

Разместив шикарный и единственный завтрак на небольшом рабочем столе, заставленном большей частью стопками бумаг, и усевшись в удобное рабочее кресло, она вытянула ноги к горячей батарее и принялась за сладкое, откусывая маленькие кусочки и позволяя им как можно медленней таять в горячем черном кофе, потягиваемом вместе с воздухом через слегка приоткрытые губы. «М-м-м-м-м-м», – звучало в Рите.

– Привет, Проме! – в дверях стояла вторая причина раннего прихода на работу.

Эта молодая женщина при первой же встрече, уставившись на копну горящих красным пламенем волос, присвоила Рите кличку Прометей, сокращенную со временем в Проме, с ударением на «е».

Люда успела расстегнуть модный, длинный, цвета морской волны в ненастную погоду пуховичок и эффектно замерла, опершись локтем о дверную раму и открывая взору окружающих свой актуальный аутфит.

В единственном числе, но от имени всех окружающих, Рита выразила сквозь улыбку всеобщий восторг: «Ого!». Что в ушах Люды в таких случаях звучало как «Здравствуй, богиня! Как ты сегодня потрясающе-обворожительно выглядишь!».

Богиня явилась свету как олицетворение легкости бытия, в толстом ярко-желтом свитере, сигнализирующем значимость женской груди и прекращающемся ровно там, где начиналась черная кожаная юбка. Хотя последнюю по длине можно было скорее принять за сползший на бедра широкий пояс. Далее красота переходила в вязанные теплые колготки в зеленый и темно-синий ромбик на стройных ногах, которые находили свое завершение в черных полусапожках на фиолетовом меху какого-то, видно очень редкого, зверя. Над всем этим царили озорно сверкающие синие глаза и губы-вишенки.

– Ну? Есть у шефа шанс ускользнуть от моей ауры?

– Ни-ка-ко-го! – Рита протянула подружке чашку кофе и на мгновение задумалась о том, во сколько же надо встать, чтобы успеть навести такой марафет.

– Кстати, Проме, ты слышала? Шеф организует в субботу у себя на даче очередную тусовку и хочет попросить наших девчат поработать прислужгой. Ирина намекнула, что будут неплохо платить, – раздалось из открытой двери кабинета главного бухгалтера, куда Люда быстро удалилась, чтобы сбросить пуховик и надеть удобные легкие туфли. Буквально через пару секунд она уже сидела за столом напротив, положив длинные ноги на край стола, обнимая ладонями горячую чашку и наслаждаясь спокойствием перед началом рабочего дня.

– Немного подзаработаешь, а то ведь от книжек и Флоренции сыта не будешь.

Рита хмыкнула:

– Ты же знаешь, чем эти праздники заканчиваются. Меня от одной мысли об этих пьяных рожках уже воротит. Я уверена, что в нашем, почти чисто женском коллективе Влад подберет подходящую команду.

Владом женский коллектив величал генерального директора фирмы, обреченной на успех и ежемесячную выплату зарплаты сотрудникам – просто потому, что Владимир Владимирович Муромский приходился заместителю мэра города по экономическим вопросам любимым сыном. Обращаясь непосредственно к нему, все, за исключением Люды, называли его по имени и отчеству.

Легок на помине, упомянутый просунул голову в дверной проем:

– Здравия желаю, красавицы!

Затем он появился весь, во все 170 с небольшим сантиметров и одетый, как всегда, с иголки. Этот симпатичный 30-летний мужчина вызывал у всех тех, кто его не очень хорошо знал, чувство доверия.

– Слышу с утра пораньше, кто-то помянул меня словом. Надеюсь, добрым.

Рита произвела вращение на кресле и поприветствовала шефа легким кивком.

В то время как Люда, не опуская ног со стола и не лишая Влада возможности изучить ее внимательно от кончиков волос короткой, черной как ночь прически до пят и вернуться к глазам, официальным тоном произнесла:

– Доброе утро, дорогой гендир! Мы тут затронули вопрос организации вашего запланированного на субботу приема. Была высказана мысль, что кто-нибудь из ваших гостей своим поведением в поздний час может разрушить у кого-либо из чувствительных присутствующих веру в человечество.

Белое лицо Риты подернулось легкой розовинкой, а пальцы произвели движение, похожее на смыкание на чьей-то шее.

Владимир Владимирович широко улыбнулся. Он прощал главбуху все. Он не мог на нее обижаться или сердиться. Озорные искры, попрыгивающие в ее глазах, обезоруживали его полностью.

– Я думаю, что в этот раз обойдется без сюрпризов. У меня в гостях будут немцы. А Западу, как нас всегда учили, нужно показывать наше лучшее лицо. Ирина запишет всех желающих подзаработать. Хорошего дня!

Стрельнув еще раз взглядом в Люду, шеф удалился. В коридоре послышалось сразу несколько голосов. Стартовал очередной рабочий день.

* * *

Мария Яковлевна сидела на стуле вблизи окна и смотрела застывшими в воспоминаниях глазами на сморщенный и каким-то чудом удержавшийся на тонком сучке темно-коричневый лист тополя. Этому дереву, протягивающему к ней ветви, было столько же лет, сколько и сыну.

До каждой мелочи помнился тот солнечный день, когда в дверях квартиры появился муж с ростком в руках и громко заявил: «Не знаю, как быть с домом, но сын у нас есть, а дерево мы сейчас посадим!» Они быстро одели Сашу и спустились во двор. Там, рядом со стеной дома, на земле, лежали сверток металлической сетки, деревянные колышки, тяжелый молот, несколько кусков проволоки и лопата.

Сашу передали на хранение бабе Любе, как всегда сидевшей на скамье у подъезда и обсуждавшей обычно с этого пьедестала, заседа с одной или двумя сверстницами, всех и вся.

Степан выкопал небольшую ямку. Встав на колени, Мария опустила в нее росток, осторожно освободив нежные корешки от влажной тряпки. Вместе, с какой-то детской радостью, касаясь друг друга пальцами, они не спеша и бережно скатывали изъятую землю в ямку, покрывая ею корешки. Вокруг ростка сделали небольшое округлое углубление, куда во время дождя должна была собираться вода.

Пока Мария бегала в квартиру за водой для первого полива, Степан вбил в землю два длинных колышка у стены дома и два – на некотором расстоянии от нее. Затем он проволокой укрепил на них сетку. Вернувшись с эмалированным ведром, наполовину наполненным водой, Мария увидела деревце уже огражденным и защищенным.

Чтобы не размыть место посадки, воду медленно лили на черенок лопаты, откуда она тонкой струйкой скатывалась на штык и дальше в углубление. Земля жадно принимала влагу.

Держась за руки, они наблюдали, как остатки воды уходили вниз, к корням. Степан неожиданно наклонился и с нежным трепетом поцеловал жену в губы. «Наверное, это и есть счастье», – подумала она тогда.

– Ну, гляньте на них! Будут еще тут на улице целоваться! – донесся до них голос бабы Любы.

Мелькнувшая тень заставила слегка вздрогнуть. На сучок с сухим листом неожиданно сел знакомый воробей и по привычке устался в окно. Мария легко отличала его среди всех других, – не только по белому перышку над левым глазом, но и по поведению. Все остальные воробьи постоянно прыгали и вертели головами, пытаясь ежесекундно просматривать округу на предмет опасного или съедобного. Этот же сидел неподвижно и смотрел прямо в глаза.

– Здравствуй, Федор! Милости просим! – произнесла Мария, открывая окно и впуская гостя в теплую комнату. С ним в дом всегда приходила необычная легкая радость. Испытывая ее, она в один прекрасный день и окрестила его подходящим именем – божий дар.

Совершив небольшой шелестящий круг по комнате, Федор опустился на карниз шкафа и пристально посмотрел на хозяйку. А та поспешила на кухню, чтобы достать из верхнего шкафчика большую банку с очищенными семенами, любимым блюдом гостя.

Василий, получивший метлой по заднице за порванную в порыве погони занавеску во время первого нашествия этой птахи в его царство, ничего не забыл и не предпринимал опрометчивых шагов. Сидя на стуле у окна, он усердно занимался туалетом и всеми от природы утонченными антеннами контролировал ситуацию. Выражение хитрющей мордахи как бы говорило: ну, что за тобой гоняться! Тут есть-то нечего! Кость в перьях!

– Феденька! Дорогой ты мой! – Мария принесла из кухни большую плоскую тарелку с горкой семян в середине, поставила ее на кровать и села напротив, пригрозив Василию пальцем на всякий случай.

Федору было куда приятней, когда эта достойная представительница своего подвида называла его Федором, но прощал ей фамильярность по причине ее доброты и внимания. Взглянув на Василия, он элегантно спикировал, приземлился на тарелку и выхватил из кучки вкусно пахнущее семя.

– Непокойно у меня на душе. Все время о Саше думаю. Умный, добрый, симпатичный. А как ему в этом покинутом богом городе жизнь устроить?

Обеспокоенная мать на мгновение замолчала, наблюдая, как ее приятель, постукивая клювом по старой тарелке советского дизайна, уплетает угощение.

– Работает с удовольствием. А зарплата... как у всех – только на еду хватает. На семью точно не хватит. У нас, с моей пенсией, и то еле-еле. Говорила ему не раз – беги отсюда. Голова светлая. Английский знаешь. Куда? Куда-нибудь подальше. Говорит, что меня одну не оставит.

Мария смахнула со щеки слезу.

По завершении трапезы Федор забрался на высокую спинку кровати и устроился внимательно слушать.

– Ах, был бы Степан жив! Мы бы что-нибудь придумали.

Наполненные до краев влагой глаза смотрели сквозь стекло окна, сквозь здание напротив, казалось, даже сквозь прошлую жизнь, куда-то в не достигаемую обычным взором даль.

– Да что тут думать! – прежде тихий голос прозвучал вдруг громко и резко. Федор даже подскочил от неожиданности. – Я сама полжизни проработала в институте. Кому, как не мне, лучше знать, что с этим городом происходит.

Руки сжались в кулаки до побеления.

– Когда на заводе прорвало трубу с пульпой, прибежали – Мария Яковлевна, выручайте! Когда эту гадость спускали в озеро, мои крики никто слышать не хотел. А на следующий день явились двое и прямо в лицо пролаяли: заткнись! А то всякое бывает!

Черты лица очерствели. Уставившись в пол, Мария треснувшим голосом монотонно прошептала:

– Так ведь люди!.. Ничего, у нас их много.

Федор с удивлением смотрел на эту только что полную энергии женщину, которая вдруг постарела, осунулась и дрожала всем телом.

– А я, дура, себе придумала, что все опять наладится... и поплатилась самым дорогим... моим любимым.

Слезы текли как-то сами по себе, капая с обмякших щек на поношенный халат.

– Как заложники, как крепостные... Ой, Сашенька... Сашенька...

Поднявшись в воздух, Федор тут же опустился на плечо Марии.

Резко выпрямившись от испуга, она чуть было не смела его рукой прочь, но вовремя опомнилась и медленно повернула к нему голову.

Его око было совсем рядом. Воробей совершенно спокойно смотрел в уголок правого глаза, и это спокойствие перешло к ней. Легкая улыбка тронула мокрые от слез губы.

– Да, не лучший день ты для визита выбрал.

Мария осторожно поднялась со стула, подошла к окну и, впуская в комнату февраль, отпустила Федора на волю.

* * *

Датчики радиации на воротах участка и на раме проходной в холле института молчали. Саша уже тысячу раз миновал эти точки, но всякий раз чувствовал облегчение, на входе – в городе более или менее все в порядке и на выходе – на работе тоже.

В предбаннике было шумно. Коллеги по работе приветствовали друг друга и наперебой обсуждали то да се. Саша поздоровался с последними в очереди и махнул рукой знакомым охранникам.

Предпоследним в веренице стоял друг со школьной скамьи. – Привет! – Михаил пропустил вперед одного человека. – Слышал? 5:1! Вот дали наши столичным просрать! Андерсон им три штуки всунул. Выложился парень на все сто!

Пропущенный вперед обернулся:

– За такую зарплату я тоже буду выкладываться, а потом отдыхать, пока коньки не отброшу.

– Не встревай в серьезный разговор! – Ответив соседу по очереди, друг вновь повернулся к Саше.

– Здорово, Михаил! А ты с каких пор так хоккеем увлекся?

– А чем еще увлекаться? Радиацию водкой у тестя в гараже выводить? Надоело. Да никогда и не был большим охотником. Книжки читать? Можно. Но не постоянно же. На рыбалку? Глянь, еще мутанта какого-нибудь подцепишь. Хорошо, что у меня Танька есть. Она у меня во! – оттопыренный вверх большой палец огромной ручищи, резко появившейся меж их лицами, заставил их прыснуть от смеха.

– Эт-точно. Таня молодец. И хозяйка. И с пониманием. Береги ее!

– Еще бы. И баловать пытаюсь. Там цветочек, тут конфетку. Недавно на танцы собрались. Она давно хотела. Зашли в «Максим», а там, я тебе скажу, публика сидит... Слушай, как будто на праздник Дня проституции попали. Так она меня сама тут же на разворот и домой. От греха подальше. Сам знаешь, быдло с бабьем мне что красная тряпка для молодого бычка. Пробки быстро вышибает...

Михаил направился на чек-ин.

Бросив сумку на ленту сканера и пройдя раму, Саша в свою очередь подошел к турникету. Регистратор, нащупав в куртке бесконтактную карту, вспыхнувшей красной лампой приветствовал сотрудника института. Саша выпрямился и хотел было уставиться, согласно предписанию, в красную точку на белой стене за турникетом. Но на месте красного пятна увидел расплывшуюся в широкой улыбке физиономию друга. Вилка пальцев показывала, куда смотреть.

Из динамика будки дежурного неубедительно строго прозвучало:

– Саша! Миша! Перестаньте дурачиться!

Михаил тут же исчез, а Саша, едва сдерживая смех, с усилием принял предписанные позицию и выражение лица. Пробежав по его контурам, две камеры системы безопасности выдали зеленый сигнал. Дверца открылась.

Сканер вернул сумку, и Саша уже собирался отправиться к санпропускнику, как за спиной раздался голос: «Александр Степанович!» У входной двери стояла Наталья Николаевна, секретарь директора института, и махала ему рукой, приглашая подойти.

Про секретаря директора никто, кроме органов, ничего толком не знал. Знали только, что уже не один десяток лет работает на этой должности, живет в однокомнатной квартире вблизи института, в которой никто из сотрудников не бывал, и готова за своего непосредственного руководителя кому угодно в горло вцепиться.

Она знала все, что творилось в институте, держала шефа в курсе событий и иногда подсказывала – именно подсказывала – начальникам отделов, на что следует обратить внимание. Ее побаивались за прямоту и нетерпимость к любого рода халатности и беспардонности, но любили за неизменную тактичность в общении.

Проходя однажды по столовой и услышав, как один из новых сотрудников с иронией говорил о чуде-директоре, отказавшемся от части зарплаты в пользу бюджета института, она резко остановилась перед ним: «Извините, молодой человек! Не могла не услышать. Но не вам судить об этом человеке! Приятного аппетита!» Так же резко развернулась и продолжила путь, оставив за собой оторопевшего от короткого, но интенсивного урока молодого ученого.

Они шли молча по бетонным плитам к административному корпусу института – отдельно стоящему неподалеку от исследовательского центра двухэтажному зданию из красного кирпича.

Саша не выдержал:

– Наталья Николаевна, намекните, зачем вызывает-то.

Не по возрасту ясные серые глаза улыгнулись:

– Этого я вам, Александр Степанович, сказать не могу. Не знаю. Ефим Григорьевич позвонил мне на мобильный и попросил найти вас до начала работы. Нам обоим повезло, что вы еще не переоделись.

За коротким прикосновением карты секретаря к читающему устройству последовал щелчок дверного механизма, Саша открыл входную дверь и прошел за Натальей Николаевной в вестибюль.

– Доброе утро, Аджмегуль Салмановна! Для меня что-то есть?

Сидевшая за деревянным барьером проходной симпатичная девушка радушно откликнулась:

– Здравствуйтесь, Наталья Николаевна! Пока ничего. Если что будет, я вам принесу.

– Спасибо! Александр Степанович со мной. К директору.

Эта суховатая, высокого роста энергичная женщина нигде понапрасну не задерживалась и уже направлялась быстрым шагом к лестнице.

Гуля одернула новую кофту, взглянула на Сашу и озорно подмигнула. Михаил уже не раз говорил ему, что она на него глаз положила.

К директору никого просто так не вызывали. Он обычно обедал в общей столовой и использовал это время не только для принятия пищи, но и для разговора. Иногда садился за пустой стол, и к нему подсаживались с соседних столов. В другой раз сам спрашивал разрешения присесть к группе обедающих, и ему тут же предоставляли место. С ним было интересно. Из его уст можно было услышать такое, что зачастую, мягко говоря, не соответствовало увиденному и услышанному в телевизоре или прочитанному в газете либо интернете, и заставляло задуматься и посмотреть на некоторые вещи по-иному.

Если он считал нужным переговорить с кем-то наедине, то приглашал его за отдельный стол. Остальные вопросы обсуждались на еженедельных совещаниях руководящих сотрудников.

Поднимаясь по лестнице в фарватере Натальи Николаевны и едва успевая за ней, Саша продолжал ломать себе голову по поводу неожиданной и очевидно очень срочной аудиенции. Неужели...

Хозяйка приемной директора сразу подошла к двери кабинета и постучала. Услышав «Да!», она прошла внутрь и закрыла дверь. Пару секунд спустя Наталья Николаевна пригласила гостя войти.

Ефим Григорьевич Эйхман был потомственным городским евреем со всеми отличавшими его признаками высокой образованности, большой любознательности, тонкой воспитанности, привитого с детства такта в общении, личной дисциплины и обостренной внимательности к происходящему. Мозги его работали всегда и, в связке с любовью к своему делу, обширными знаниями и накопленным опытом, выдавали решения, идущие на пользу институту и его сотрудникам.

Ему полностью было чуждо вписанное повсемирно и единогласно в картину «Вечного жида» необузданное стремление к личной выгоде, что отдельными местными индивидуумами излагалось в качестве пояснения к этому особому случаю, как генетическая ошибка.

Несмотря на отклонение от общепринятого национального стандарта, сотрудники управляемого им учреждения питали к нему уже в течение многих лет такое абсолютно чистое от каких-либо предрассудков уважение, что высокопоставленным научным чинам даже в голову не приходило усомниться в правомерности его пребывания на доверенном ему посту. В то время, как в других местах, на фоне агонии науки и образования, борьба за зарплату директора института, превосходящую зарплату рядового специалиста в десятки раз, выявляла такие тонкости совсем нееврейской человеческой души, что, присутствуя они в картине «Вечного жида», сделали бы этот шедевр неправдоподобным даже для его самых рьяных приверженцев.

Как бы там ни было, Ефим Григорьевич, достигнув глубокого старческого возраста и похоронив много лет назад свою Софочку, уже ничего не боялся.

Директор стоял у окна и любовался слегка припорошенными снегом березками, растущими за украшенным колючей проволокой забором.

Услышав приветствие Саша, он повернулся и, сделав несколько шагов навстречу, крепко пожал ему руку:

– Доброе утро, Саша! Рад видеть! Как дела у Марии Яковлевны? Как здоровье?

Движением руки Ефим Григорьевич предложил кресло прямо у рабочего стола.

– Чай? Кофе?

– Кофе, пожалуйста! – Саша исходил из того, что здесь он получит именно тот черный ароматный напиток, который достоин своего имени.

– Наталья Николаевна, а мне, пожалуйста, как всегда. И, будьте добры, посмотрите, есть ли у нас в резерве Рошен. Если он еще годится.

Небольшого роста, директор, усаживаясь в огромное кресло, казался, тонул в нем.

– Ну, так как поживает твоя мама? Давненько я у нее не бывал.

Будучи коллегами, они дружили семьями, и, пока был жив Сашин папа, часто навещали друг друга. Ефим Григорьевич и теперь время от времени заглядывал к Марии Яковлевне. Саша знал, что они оба наслаждались этими встречами, и любил присутствовать при их разговорах.

– Ах, вы же знаете маму. Как ни спросишь – всегда все хорошо. Только вот по ночам тихонечко по комнате ходит.

На изрезанном жизнью лбу собеседника складки сложились в гармошку.

– Присмотри за ней! Ты теперь мужчина в доме. Если понадобятся лекарства, скажешь. Пусть эту прессованную дрянь, что у нас продают, не глотает!

В дверях появилась Наталья Николаевна. Быстро разложив перед мужчинами маленькие плетеные подложки и поставив на них одному – чашку кофе, а другому – огромную кружку с чаем, она сняла с подноса и разместила на столе молочницу и сахарницу в стиле кофейной чашки, тарелку с пряниками и небольшую стеклянную вазочку с конфетами, поверх которых лежали четыре слегка побелевшие шоколадные без фантиков. «Последние!» Сопровождаемая двухголосым «Спасибо!», она плотно затворила за собой дверь.

В комнате наступила тишина, нарушаемая только тиканьем настенных часов – подарок коллектива по поводу двадцатипятилетнего рабочего юбилея. Боже, как давно это было!

Директор поднялся с кресла, целиком положил в рот одну Рошен и, с кружкой в руках, подошел к окну. Сделав большой глоток чая и пожевав любимую сладость, он произнес:

– Жаль, что мы с нашими братьями-украинцами больше не дружим. Даже конфеты у них не берем.

И опять замолчал, глядя на березки за колючей проволокой. Кофе не пился. Саша чувствовал нутром, что над ним зависла какая-то очень тяжелая истина, словно выбиравшая правильную позицию, из которой смогла бы так обрушиться на голову, чтобы абсолютно точно дойти до каждой извилины его мозга. Голова сама по себе уходила в плечи.

– Вы вообще понимаете, куда вы лезете?

Саша молчал.

Ефим Григорьевич вернулся к столу, поставил кружку в сторону, сел в кресло и, слегка наклонившись вперед, пронизывающим взглядом заглянул молодому собеседнику в глаза:

– Решили заняться холодным синтезом. Здесь, в институте. Не сказав мне ни слова. А я-то думал, что заслуживаю доверия.

– Еф...

– Помолчи!

И хотя в словах друга семьи и чувствовалась металлическая нота, говорил он, не повышая голоса. А Саше казалось, что на него в жизни еще никто так не кричал.

– Решили спасти мир? Посоревноваться с японцами и американцами? Доказать, что мы, по крайней мере, не хуже их шариками ворочаем?

Седовласый ученый вновь встал из-за стола и, отмеривая каждое слово и, шагами, свой кабинет, продолжил:

– Вы вообще задумывались над тем, что живете в стране, которая еще не развалилась полностью по той простой причине, что у нее есть газ, нефть и атомная энергетика? И что некоторые органы этой страны с вами, изобретателями бесплатной энергии, сделать могут? Я не говорю уже об институте, о сотрудниках или обо мне.

Саше становилось не по себе.

– Я всю свою жизнь проработал в атомной энергетике. Даже гордился этим.

Ефим Григорьевич ходил по кабинету, то появляясь в поле зрения гостя, то исчезая из него. С каждым шагом голос становился все тише, будто его владелец удалялся из кабинета в мир, ведомый только ему одному.

– Пока не посмотрелся и не послушался всякого. На уборку Чернобыля тысячи незнающих на смерть сослани. А облачко по всей Европе прогулялось. Тысячи детей в Европу за счет спонсоров на лечение возили. Об их судьбе думать – вредно для психики. В Баварии до сих пор советуют поменьше грибов и дичи потреблять. А у нас молчок. Половину страны загадили. И молчок. Миллионы бочек с отходами по стране стоят, а мы за деньги чужое говно решили перерабатывать и хранить. Гордо продолжаем реакторы строить. У нас в городе и в округе лучше не дышать, не пить и не есть. А ты заткнись. Ну и подарочек мы нашим детям приготовили!

Чувство безысходности и злости наполнило воздух в комнате, сделав его густым и давящим. Саша с трудом переносил этот кажущийся нескончаемым поток откровения.

– Ладно. Жить надо! Искать. Выкарабкиваться.

Шеф института вернулся к столу и, глядя на молодого сотрудника, положил перед ним листок бумаги.

– Сегодня ночью позвонила охрана, а утром мне передали вот эту ксерокопию. Нашли в подвале непонятную установку и блокнот. Почерк твой?

– Да.

– С чего начали?

– С титана и дейтерия.

– Что увидели?

– Пик температуры до 1000 градусов.

– Избыточного тепла много?

– Более чем.

– Нейтроны и гамма?

– Есть.

– Чем защищаетесь?

– Боровыми плитами.

– В 15-й нашли?

– Да.

– Кто дозиметристом?

– Михаил Синельников.

– Технолог?

– Сергей Розов.

– Кто меряет и считает?

– Я.

– Кто еще в группе?

– Больше никого.

– Кто-то еще знает?

– Никто.

Что-то в глубине души подсказывало Саше, что разговор берет крутой поворот. Ефим Григорьевич все еще стоял над ним.

– Чувствую, мне вас от этой затеи отговорить не удастся. Сам был таким. А вне института можете до тюрьмы докатиться. Так вот. Слушай внимательно!

Заняв место в кресле, директор откинулся на спинку и стал строго, сухо и четко излагать очевидно уже до прихода Саши выношенную мысль:

– Через час в ваш отдел поступит внутреннее распоряжение. С вашим начальником и моим старым другом, Борисом Ивановичем, я в обед переговорю. Ваша группа займется исследованиями по разработке установки трансмутации радиоактивных отходов атомной энергетики посредством использования быстрых нейтронов. Услышу где-то что-то о холодном синтезе – проект закрыт.

Опять потянуло к кофе. Саша одним глотком допил остывший напиток, наслаждаясь послевкусием слов этого замечательного человека.

– Два часа регулярного рабочего времени в день и по три часа сверхурочного времени два раза в неделю. Сверхурочные часы не оплачиваются. Завалите за месячную дозу – отправлю в восстановительный отпуск без содержания. Нарушите правила ядерной безопасности – выгоню к чертям собачьим. Все права по трансмутации у института. Ничего другого не знаю. Согласен?

Видя перед собой восторженную по самые уши молодость, директор рассмеялся и, поднимаясь с кресла, протянул руку через стол:

– Без вас, будущих академиков и нобелевских лауреатов, жить было бы скучно. Иди! Дома привет передавай!

Едва касаясь потертого паркета, Саша вылетел в приемную, дал круг вальса с обескураженной и криво улыбнувшейся Натальей Николаевной, бросился с лестницы, поцеловал в щечку Гулю и выскочил во двор.

Знакомый из охраны позже говорил, что Гуля еще дня два нежно гладила щеку.

* * *

Днем в городе было пустынно и скучно. Куда интересней были вылеты ранним утром или ближе к вечеру. В это время года светало поздно, а темнело рано. Так что Федору приходилось думать о безопасности полета. Темные шнуры, висящие меж столбами и домами, вроде бы и мешали, но, с другой стороны, так же как и ветви деревьев, позволяли удобно устроиться прямо перед прямоугольными отверстиями гнезд и заниматься любимым делом – изучением нелетающих птиц, которые сами себя называли детьми, человеками, девочками, людьми, женщинами, мамами, девушками, мужчинами, парнями, тунейдцами, мальчиками, пацанами, кисами, жуликами, хрюшами, педерастами, лапоньками, бабулями, старушками, пьяницами, дедулями, бабушками, суками, дедушками, ворами, проститутками, голубками, папами, цветочками, стариками, шуринами, кумами, друзьями, стервами, коллегами, однополчанами, сослуживцами, счастливчиками, дармоедами, сопляками, живодерами, тещами, тестями, дебилами, красавцами, слесарями, козлами, секретутками, гуляками, светом очей моих, скупердьями, хозяйками, милыми, любимыми...

У Федора кружилась голова от множества наименований одного и того же подвида птиц, имеющего однозначно, как в природе принято, всего два пола – самка и самец. При всем этом, он усвоил довольно быстро, что даже легкое изменение интонации придает произнесенному, судя по реакции называемого, множество явно отличающихся друг от друга значений.

И, хотя Федор и гордился тем, что все услышанное в правильном порядке раскладывалось по полочкам в небольшой голове, но предчувствовал, что существа эти еще на неопределенно долгое время останутся для него загадкой.

Так, к примеру, он никак не мог определить какую-либо природную закономерность в отношениях между самцами и самками.

Брачный ритуал, в некотором смысле, соответствовал известному в мире птиц, намеренных найти себе пару на всю жизнь. Оба пола перед встречей прихорашивались, купаясь, укладывая красиво или удаляя перья на голове и даже в других менее заметных местах и надевая на себя то, что в будние дни обычно не надевалось. Правда, самцы вместо сухих веточек или перышек для строительства гнезда приносили самкам зачастую срезанные где-то и, таким образом, обреченные на гибель цветы.

В отличие от природных навыков, брачный ритуал не завершался непосредственно половым актом с целью продления рода, а скорее содержал целый ряд предварительных актов, не имеющих последствий и определяющих, вероятно, возможность или невозможность совокупности телесных данных и правильность выбора партнера. С одной стороны, Федор видел в такой процедуре некую целесообразность, но, с другой стороны, считал такой подход для участвующих опасным в отношении изношенности чувств и дальнейшей привлекательности для

других возможных партнеров в случае отрицательного исхода текущего очередного эксперимента.

Если такая пара спустя некоторое время все еще говорила о любви, то, приодевшись в особый наряд и собрав вокруг себя себе подобных, они посещали два, а иногда и три заведения. Федор знал, что отражающееся на лицах и слышимое из клювов после посещения первого называется улыбками, смехом и счастьем.

Далее, большинство молодоженов стремилось отметить этот знаменательный день походом в сооружение, которое Федор уже не раз навещал и считал местом таинства и волшебства. Вознесшийся к небу шпиль, украшенный неизвестным ему знаком, как бы говорил жителям города о том, что здесь творятся обряды, не имеющие ничего общего с повседневной жизнью.

Это Федор мог подтвердить. Многие из тех, кто заходил в это место, зажигали тонкие белые палочки, обращали лица к изображенным на стенах ликам, уверяли их в своей подобности и в своем подражании им, усердно просили о чем-то под руководством хорошо упитанного сказочного существа, время от времени размахивающего дымящимся, одурманивающим пахнущим волшебным предметом. И, едва выйдя на улицу, тут же начинали жить по-прежнему. Иногда вопреки уверениям, произнесенным с чистосердечным пылом.

Не раз Федор слышал, как пред воротами старушки говорили о том, что построил сие место встречи с богом какой-то местный богач, дабы замолить грехи свои и дабы благодать небесная снизошла к нему. За тем же сюда наверняка заглядывали и пары, дающие при этом очень серьезные обещания и добровольно окольцовывающие друг друга. О благодати небесной Федор знал, но не мог себе представить ее нисходящей к кому-либо в этом заведении.

Все эти впечатления всякий раз заставляли Федора задуматься. Он считал, что для знакомства с благодатью небесной этой стае необходимо просто опять научиться летать.

В третье по счету место ему доступа не было. Но он освоил одну почти касающуюся окна ветку, откуда прекрасно были видны стол, за который обычно усаживали счастливую пару, часть зала с ровной площадкой и стоящие рядом с ней другие столы. Тут со свежееобрученными и другими членами стаи происходило что-то неожиданное и странное.

Сначала счастливые, держась за крылья, кружились одни под ритмичные, местами приятные, но слишком громкие звуки и под похлопывание крыльев и крики многочисленных присутствующих, в основном пар, уже прошедших эти испытания, и таких, чьи помыслы, возможно, стремились к ним. Затем все сосредоточенно принимали пищу. По ходу этого дела из стаи регулярно вылетало одно и то же слово. Осведомленный о дальнейшем развитии сожительства многих пар, Федор не переставал удивляться использованию такого пророческого слова как «Горько!» в столь ранний и еще счастливый час. Эти выкрики подхватывались всей стаей, поднимающей в воздух прозрачные сосуды с какой-то жидкостью, и принуждали молодых совершать на глазах у всех обряд, нежность и интимность которого до и после этого дня принадлежали им одним. Самка и самец, крепко сцепившись клювами, замирали в этой позе, а стая считала продолжительность деяния, оценивая по ней убедительность силы выставленной напоказ любви.

Многократное повторение этой процедуры преследовало, очевидно, еще и иную немаловажную цель. Каждый раз по завершении очередного публичного любовного акта в клювы опрокидывалась жидкость. Частота принятия влаги на единицу времени сказывалась на скорости изменения поведения этих птиц, вызывая у самцов восторг от ощущаемого всем телом знакомого эффекта, а у большинства самок – попытки предотвратить слишком быстрое наступление предсказуемого результата.

Эффект этот становился все более очевидным по ходу действия. Кружения на площадке, доставляющие самкам особое удовольствие, давались самцам все труднее и труднее. Им приходилось прижимать к себе партнерш все крепче и крепче. Самцов пошатывало. Но не только. Зрение некоторых из них ухудшалось настолько, что они ошибочно хватали чужих самок и принимали их в объятия еще более азартно, чем своих. Большинство самок не оказывало решительного сопротивления, находя, по всей видимости, определенную прелесть в проявлении телесной мужской силы, подчеркивающим индивидуальную биологическую привлекательность самки. Что, опять же, не оставалось без внимания самцов чужих самок.

С этого момента имеющий определенный опыт присутствия на таких торжествах Федор ожидал развития целого ряда сценариев.

Начало одного из них было приблизительно таким. Считающий себя ущемленным в своих правах и достоинствах самец направлялся не совсем уверенным шагом к вызывающей порицание паре. Ноги, для большей стабильности, слегка согнуты в коленях. Крылья приподняты к груди и развернуты кверху. Голова клювом вверх выдвинута вперед, словно при попытке рассмотреть из еще видящих уголков глаз правомерность и целесообразность намерения.

За редким исключением, разветвление данного сценария зависело от телосложения соперников и меры их отдаленности от финального тонуca. Близость к последнему придавала даже более мелкому ущемленному самцу чрезмерно большую смелость и решительность. Мобилизовав весь свой потенциал, ему обычно удавалось раздвоить вращающееся одно. Продолжение зависело от того, насколько участвующие могли в это решающее мгновение вспомнить о взаимоотношениях до этого вечера и о причине присутствия здесь.

Если самке, двумя-тремя правильными и с безупречной интонацией произнесенными словами и ласкающим касанием крыла, удавалось убедительно выразить свою неопровержимую приверженность к нему единственному, то напряженная ситуация обычно находила завершение во всеобщем обнимании.

Возможны были и другие исходы. Наиболее потрясающим и непредусмотренным в правилах природы был выход не поладивших особей на улицу. После короткого словесного обмена, выражения которого Федор с трудом улавливал, но не понимал, они начинали наносить друг другу удары, норовя попасть в голову. Сила, вкладываемая в такой удар, нарастала с каждым следующим.

Федору были известны примеры таких столкновений, когда кто-то защищал свое гнездо, пищу или первенство в кругу самок. Но в таких случаях борьба обычно прекращалась по первому признаку преимущества одной из сторон. Попыток изувечить кого-либо так, что его жизнь ставилась под вопрос, он ранее не наблюдал.

Здесь же присутствовала пугающая уверенность в том, что потребленная жидкость где-то в глубине этих индивидов медленно, но уверенно отодвинула засов решетки, выпуская наружу изголодавшуюся по признанию и обиженную невниманием креатуру. Она жаждала удовлетворения нанесенных ей жизнью обид. Она жаждала крови.

Бесспорно, такие индивиды были в стае в мизерном меньшинстве. Но присутствие в них рвущейся наружу опасной доминанты, свободно читаемой в каждой черточке лица, заставляло большинство молчать, потакать или всячески избегать контакта с ними.

Остальные сценарии были менее потрясающими, но не менее удивительными. Одни продолжали вращаться на площадке, делая все большие круги, другие совершали половой акт в кустах при самых неблагоприятных для этого условиях, третьи извергали принятую пищу, а отдельные падали там, где до этого стояли, и засыпали или теряли сознание, чтобы хоть на время покинуть праздник жизни.

* * *

За окном микроавтобуса деревья сливались в темное полотно, поблескивающее иногда каплями пробивающегося лунного света. Шипы колес вырывали из накатанной обледенелой дороги кусочки льда, и они шелестели по днищу.

В салоне было тепло, шумно и все же уютно. Если бы водитель не пытался постоянно впечатлить девчат, показывая на поворотах мастерство и удалость, то Рита, сидевшая на заднем ряду у окна, смогла бы даже прикрыть глаза и наслаждаться поездкой.

– Эй, летчик! Не так лихо на поворотах! Не дрова везешь! – Света, прервав разговор с соседкой, решила притушить пыл рулевого.

Крутивший баранку хотел было что-то ответить, но, встретившись в зеркале с глазами высказавшей критику, передумал и снизил скорость.

Машина собрала в назначенное время, в назначенных местах всех сотрудниц фирмы, записавшихся прислужгой на вечеринку шефа. Он любил проводить такие мероприятия у себя на даче, расположенной на берегу водохранилища в тридцати дорожных километрах от города и в двух – по прямой.

Место это когда-то занимал пионерский лагерь, куда горожане с удовольствием отправляли детей на пару недель во время летних каникул. Позже, в те далекие мутные времена перехода к новому строю, отцу Влада, руководившему тогда заводом, удалось приобрести этот участок, на котором со временем выросла его дача.

Слово «дача» никоим образом не подходило к выстроенному из добротной лиственницы зданию – ни по размерам, ни по количеству комнат, ни по стоимости внутреннего убранства.

Девчата, побывавшие в поместье, рассказывали о холле со встроенными в стену гардеробными шкафами, отшлифованные до блеска двери которых были установлены таким образом, что сливались в единую поверхность деревянного зеркала. Привезенная с Мурано люстра из цветного стекла свисала с высокого белого потолка, украшенного тонкой работы лепниной, и многократно отражалась в дереве, создавая иллюзию безстенного помещения. Пол был выложен белым каррарским мрамором с редкими серыми прожилками, переходящими друг в друга и будто направляющими посетителя к большой светло-бежевой двухстворчатой двери с позолоченными ручками, ведущей в зал. Говорили еще, что этот мрамор как бы разливается по всему дому, подымается сплошным потоком аж по деревянным ступенькам широкой открытой лестницы, ведущей дугой из огромного зала на балюстраду второго этажа, переходя там в дельту полов спален и ванных комнат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.